

Грузины въ Астраханской епархіи и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ архипастырей въ 18 вѣкѣ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ *)

1760—1801 ГГ.

Причины, вызвавшія стѣснительныя мѣры въ отношеніи грузинъ.—Домогательство грузин. митроп. Николая о пропускѣ его въ Москву.—Прѣѣздъ царя Теймураза со свитою.—Прибытіе митроп. Тимофея, плачевное положеніе его и смерть.—Подтвержденіе о непронускѣ грузинъ въ Россію и провѣрка получаемого ими жалованья.—Вселеніе грузинъ изъ Москвы.—Кизляръ—колонія грузинъ.—Дѣло о „проклятомъ“ грузинскомъ погѣ Захаріи.—Вступленіе Грузіи подъ покровительство Россіи и Монаршіи милости архіеи. Іоанну и католикоу Максиму.—Новый наплывъ грузинъ въ Астрахань; упроченіе положенія ихъ здѣсь.—Поворотъ къ прежнимъ стѣснительнымъ мѣрамъ.—Прибытіе грузинскихъ преосвященныхъ Григорія и Николая. Последнее подтвержденіе о непронускѣ грузинъ и недовольненіе имъ сбора милостыни.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи.

Благосклонность, съ которою встрѣчали у насъ пріѣзжихъ грузинъ, и свободный пропускъ ихъ чрезъ все мѣста и города Россіи вскорѣ привели къ существеннымъ неудобствамъ и даже злоупотребленіямъ со стороны нашихъ случайныхъ гостей. Многіе изъ грузинскаго духовенства являлись въ предѣлы Астраханской епархіи невѣдомо откуда, безъ отпускныхъ билетовъ, и, не заглянувъ даже въ мѣстную духовную консисторію, направлялись прямо въ Москву и С.-Петербургъ, „а для какихъ нуждъ и съ какими письменными свидѣтельствами—неизвѣстно“. Другіе же, по прибытіи въ Кизляръ, поселялись въ тамошнемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, гдѣ самовольно или же по допущенію мѣстнаго архимандрита Даниила вступали въ священнослуженіе, не испросивъ на то благословенія отъ епархіальнаго архіерея и не предъявивъ ему своихъ ставленныхъ и переходныхъ грамотъ, а о добромъ поведеніи своемъ—письменнаго свидѣтельства. Недовѣріе къ таковымъ лицамъ, столь естественное въ подобныхъ случаяхъ, вскорѣ нашло себѣ подтвержденіе на дѣлѣ. Однѣмъ священникъ Даниилъ Борисовъ, проживавшій въ упомянутомъ Кизлярскомъ монастырѣ, предъявилъ въ Астраханскую консисторію якобы ставленную іерейскую грамоту, писанную на грузинскомъ языкѣ. Но когда перевели ее на русскій языкъ, то она оказалась фальшиво составленною самимъ же Борисовымъ. Между тѣмъ какъ онъ съ появленія своего въ Кизлярской крѣпости, по одной словесной просьбѣ своей, допущенъ былъ Крестовоздвиженскимъ архимандритомъ до священнослуженія, безъ указа отъ духовной консисторіи. Пробывъ въ Кизлярѣ 6 лѣтъ, онъ выѣхалъ обратно въ Грузію и прожилъ въ г. Тифлисѣ 4 года. Затѣмъ, снова возвратясь въ Кизляръ и проживъ здѣсь 3 года, онъ отправился въ Москву, гдѣ, утая свою отлучку въ Тифлисѣ, выхлопоталъ себѣ и получилъ изъ штатсъ-копторы за все упомянутыя годы денежное и хлѣбное жалованье, въ томъ числѣ и за 4 года пребыванія

*) См. №№ 1—2 и 5 „Астрах. Еп. Вѣдом.“.

своего въ Тифлисѣ—лишняго 106 руб. Заподозривъ дѣйствительность посвященія Борисова, преосвященный Меѳодій, Епископъ Астраханскій, посланнымъ въ кизлярское правленіе указомъ повелѣлъ отказать означенному Борисову отъ священнодѣйствія впредь до будущаго разсмотрѣнія и рѣшенія о немъ дѣла, равно какъ не выдавать ему увольнительныхъ паспортовъ и никуда изъ Кизляра его не отлучать; а чтобы онъ не могъ куда-либо скрыться или сбѣжать, предписывалось обязать его въ томъ „съ крѣпкимъ подтвержденіемъ подписью съ поруками“, и подписку ту прислать въ коневисторію. Но въ отвѣтъ на это распоряженіе изъ кизлярскаго духовнаго правленія за подписью архиман. Даниила послѣдовало донесеніе, что упоминаемый попъ Борисовъ еще до полученія указа, выхлопотавъ себѣ изъ кизлярской комендантской канцеляріи билетъ, отлучился для своихъ нуждъ въ Грузію, откуда еще не возвращался. Была-ли эта простая случайность, или же злой умыселъ со стороны Борисова—неизвѣстно. Но преосвященный Меѳодій призвалъ въ семъ дѣлѣ самого архимандрита „не безпристрастнымъ“. Подозрѣвать его въ противодѣйствіи себѣ Владыка имѣлъ твердое основаніе. Незадолго предъ тѣмъ преосвященный посылалъ при указѣ къ архимандриту своего іеромонаха Кириака для служенія въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ въ должности казначея. Но архимандритъ воспротивился этому и рѣшительно заявилъ преосвященному, что „оному іеромонаху въ казначейской должности тамъ отнюдь не быть“, потому что монастырь тотъ будто-бы отданъ ему, архимандриту, и есть его собственность. Сверхъ того въ частномъ письмѣ сталъ даже грозить преосвященному, что если присланный имъ въ его монастырь казначей не будетъ отрѣшенъ оттуда, то опъ, архимандритъ, будетъ жаловаться на него, преосвященнаго, куда слѣдуетъ, — чѣмъ явно обнаруживалъ свое самовластіе и неподчиненіе епархіальному архіерею. Указанные неурядки и злоупотребленія, конечно, не могли быть долѣе терпимы, и Св. Синодъ, къ которому обратился преосвящ. Меѳодій съ доношеніемъ, не только ограждаетъ власть епархіальнаго архіерея отъ посягательства самовольниковъ, но и принимаетъ рѣшительныя мѣры къ предупрежденію повторенія подобныхъ случаевъ. Прежде всего опредѣлено было внушить архимандриту съ братіей, чтобы они въ отношеніи управленія монастыремъ и лично находились, „какъ и нынѣ никогда въ томъ никакой отѣны не было“, въ полномъ вѣдомствѣ и во власти епархіальнаго своего архіерея преосвященнаго Меѳодія „съ надлежащимъ, яко пастырю своему, отдавая должную честь, повиновеніемъ и послушаніемъ безъ всякаго отрицанія и прекословія, не чиня ни малѣйшаго ослушанія и противности“. Далѣе, относительно пріѣзжавшихъ въ Кизляръ изъ Грузіи и изъ другихъ заграничныхъ мѣстъ духовныхъ лицъ предписывалось тому же архимандриту съ братіей принимать лишь такихъ, кои имѣютъ достовѣрныя, а неподложныя, письменныя свидѣтельства и грамоты, какъ о выѣздѣ, такъ о званіи и честномъ поведеніи своемъ; но и

послѣ того, не спсавшись и не получивъ отъ Астраханскаго Пресвященнаго благословенія и дозволенія, отнюдь не допускать ихъ въ монастырѣ до исправленія священнослуженія, и въ прочемъ во всемъ, указано было, поступать согласно съ правилами святыми, духовнымъ регламентомъ и Высочайшими указами „подъ тяжкимъ за преступленіе осужденіемъ“. Затѣмъ, постановивъ о излишне взятыхъ изъ казны Борисовымъ деньгахъ сообщить Штатсъ-Конторѣ на разсмотрѣніе и предписатьъ Антонію, архіеп. Владимірскому, выслать о Борисовѣ извѣстіе Астраханскому Пресвященному, — Ов. Синодъ въ устраненіе на будущее время повторенія указанныхъ „непристойностей“, опредѣлилъ: „всѣхъ вышедшихъ и впредь выходящихъ въ Кизляръ и въ Астрахань изъ Грузіи и изъ прочихъ заграничныхъ государствъ духовныхъ персонъ и прочихъ священнаго чина людей, хотя бы они о прїѣздѣ своемъ правильные паспорта и на чины свои вѣролпныя грамоты и письменныя свидѣтельства безъ всякаго сомнѣнія у себя имѣли, однакожь безъ сношенія съ Пресвященнымъ Астраханскимъ, не только внутрь Россіи, но и въ Астрахань изъ Кизляра не пропускать, такъ и обратно оттуда за-границу, безъ сношенія же и надлежащихъ справокъ съ Его Пресвященствомъ и городскими духовными правленіями, не отпускать“. Опредѣленіе это состоялось и сообщено было къ исполненію и руководству гражданской власти въ концѣ Февраля 1760 г.

Но указъ о семъ не былъ еще полученъ въ Астрахани, какъ здѣсь стало извѣстнымъ, что изъ Грузіи прибылъ въ Кизляръ 2 Января 1759 года преосвященный Николай, митроп. Кахетинскій и Алавердскій, со свитою своею и остановился въ тамошнемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Кромѣ того, 12-го того же Января изъ Грузіи же чрезъ Кизляръ прїѣхалъ въ Астрахань называвшій себя архимандритомъ Григоріемъ въ сопровожденіи служителя и объявилъ, что слѣдуетъ до Москвы и С.-Петербурга, а для чего и подлинно-ль онъ архимандритъ — неизвѣстно; хотя они и имѣли при себѣ увѣрительныя письма, но перевести ихъ на русскій языкъ, за отсутствіемъ въ Астрахани знающихъ грузинскій разговоръ и російское письмо, некому. И Астраханскій Пресвященный недоумѣвалъ, какъ поступить ему. Если у нихъ тѣ письма „усильно отобрать“, или же ихъ задержать, то опасался, какъ бы имъ чрезъ то „яко иностранному народу“ не причинить оскорбленія. Объясняя обо всемъ этомъ Св. Синоду, преосвященный Мееодій присовокуплялъ: „и ежели, паче чаянія, означенный митрополитъ грузинскій въ Астрахань прїбудетъ и востребуетъ внутрь Россіи пропуска, также и помянутаго архимандрита и прочихъ, пропускать-ли?“ Между тѣмъ митроп. Николай подалъ на имя Астраханскаго Губернатора Жилина доношеніе, въ коемъ объяснялъ, что онъ выѣхалъ въ Россію подъ покровительство Ея Императ. Величества по причинѣ „чинимыхъ въ Грузіи и Кахетіи отъ дзгинцевъ безпрестанныхъ набѣговъ, грабленія, плѣненія и крайняго разоренія“, причеиъ просилъ пропустить его въ

С.-Петербургъ для поклоненія Ея Импер. Величеству и свиданія съ ближнею родственницею княжною Бакаровою. При доношеніи томъ приложены были въ переводѣ на русскій языкъ копіи съ увольнительныхъ грамотъ, данныхъ отъ кахетинскаго царя Ираклія и грузинскаго католикоса Іосифа. Къ просьбѣ митрополита и документамъ его отнеслись съ строгою осмотрительностію и съ подозрительной внимательностію. Прежде всего сличены были грамоты между собою, и онѣ оказались „весьма не согласны“ одна съ другою, хотя и даны были почти одновременно. Такъ по Иракліевой грамотѣ ему, Николаю, позволено ѣхать изъ Грузіи въ иную землю, куда хочетъ, „а для чего и куда именно, того не написано“; по католикосовой же — онъ отпущенъ въ Россію для всенижайшаго поклоненія Ея Импер. Величеству. Обращено было вниманіе также и на то, что проситель въ грамотахъ писался лишь: „Алавердили Николай“, а не митрополитъ или епископъ, „и чтобы онъ гдѣ и къмъ и когда подлинно и законно-правильно въ архіерея былъ произведенъ, того въ тѣхъ грамотахъ не видно, и особливаго на то никакого свидѣтельства отъ него не представлено“. Кромѣ того усмотрѣно разнорѣчіе въ объясненіи митрополитомъ причинъ, вызвавшихъ пріѣздъ его въ Россію: то указывается имъ на разоренія отъ лезгинцевъ, о чемъ въ грамотахъ однако не упоминается; то — на желаніе поклониться Ея Импер. Величеству, а также повидаться съ родственницею своею княжною Бакаровою, а вѣроятно всею, выражалась догадка, „какое бы мѣсто и довольствіе получить, якоже и прочіе таковыя подобныя сюда пришельцы удостоиваются“. Обо всемъ этомъ сообщено было чрезъ коллегію иностр. дѣлъ Св. Синоду, который съ своей стороны въ своевольномъ оставленіи митрополитомъ Николаемъ епархіальнаго своего архіерейскаго престола въ Грузіи, буде имѣлъ, и порученной ему духовной паствы „безъ законно-правильной нужды“ усмотрѣлъ нарушеніе св. правилъ, подтверждающихъ виновныхъ въ томъ осужденію и изверженію. Вслѣдствіе чего и опредѣлено было объявить коллегіи иностр. дѣлъ, что какъ означенному преосвященному Николаю съ его свитою, такъ и архимандр. Григорію къ прибытію въ Москву и С.-Петербургъ позволенія давать не слѣдуетъ, какъ не имѣющимъ къ тому „законно-правильныхъ потребностей“ и не предъявившимъ въ удостовѣреніе своего званія и чина никакого письменнаго свидѣтельства, да и потому еще, что нужды въ нихъ ни въ Москвѣ, ни въ С.-Петербургѣ никакой не было, „понеже и безъ нихъ здѣсь въ Россіи грузинскихъ же таковыхъ и прочихъ духовныхъ персонъ на казенномъ содержаніи имѣется довольное число; къ тому же, если имъ къ прибытію сюда дозволеніе дать, то смотря на оное можетъ быть ихъ оттуда еще прибавится, какъ и прежде часто пріѣзжали на здѣшній коштъ такое не малое число, что ихъ противъ положеннаго по грузинскому штату числа и суммы умѣстить и жалованьемъ, производящимся отъ Штатсъ-Копторы удостоить будетъ невозможно. Чего ради, какъ они оба до сего времени

находились въ Грузіи, такъ возвратясь туда въ прежніи свои мѣста, должно имъ по означеннымъ выше св. правиламъ и впредь тамъ пребываніе имѣть по прежнему“. вмѣстѣ съ симъ Св. Синодъ нашелъ нужнымъ вновь и съ особенною настойчивостію подтвердить Астраханской губернской администраціи, чтобы „впредь таковыхъ грузинскихъ и прочихъ иностран-ныхъ всякаго чина и званія духовныхъ персонъ — даже до послѣдняго церковнаго клирика, пріѣзжающихъ въ Кизляръ, безъ надлежащаго объ нихъ напередъ съ Астраханскимъ Преосвященнымъ сложенія и безъ должнаго съ его стороны по испытномъ о состояніи ихъ развѣдываніи и освидѣтельствываніи дозволенія, не только изъ Астрахани внутрь Россіи никуда, но и изъ Кизляра въ Астрахань всемѣрно, ни подъ какимъ видомъ не пропускать и паспортовъ не давать; о чемъ Астрахан. губери. канцелярія извѣсть въ кизлярскую канцелярію подтвердить наикрѣчайшимъ указомъ“ *).

Но опредѣленію Св. Синода о высылкѣ митроп. Николая на родину не суждено было исполниться. Преосвященный имѣлъ въ Москвѣ вліятельную заступницу въ лицѣ родственницы своей вдовствующей княгини грузинской Анны Бакаровой, которая не замедлила войти съ ходатайствомъ за него предъ Св. Синодомъ. Ссылаясь на происходившія въ Грузіи отъ агарянъ гоненія, бѣдствія и разоренія, она просила за митроп. Николая допустить его въ Москву, „дабы ему до конца не погибнуть въ отечествѣ своемъ и при старости бы лѣтъ своихъ могъ имѣть онъ здѣсь въ Россіи съ опредѣленіемъ на пропитаніе жалованья, спокойное пребываніе и утѣшеніе“. Отказать совершенно въ просьбѣ княгини было-бы не удобно, но и желаніе избавиться отъ наплыва непрощенныхъ и никому ненужныхъ сановитыхъ гостей было, конечно, естественно и вполне законно, а по сему Св. Синодъ вынужденъ былъ на этотъ разъ идти на уступки, не обижая знатной просительницы и не отиѣняя всецѣло состоявшася о митрополитѣ опредѣленія своего. Въ виду опасности и невозможности, за безпокойнымъ въ Грузіи временемъ, возвращенія митрополита на родину, а также по спусхожденію къ его старости и бѣдности, ему дозволено было прибыть изъ Кизляра „только въ Астрахань“ съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ обрѣтающимися при немъ служителями имѣлъ жительство въ Астраханскомъ Ивановскомъ монастырѣ „не въ настоятельскомъ какомъ властелинскомъ лицѣ, но прѣсто“, и если бы пожелалъ когда въ высоторжественные праздники совершить для своего причащенія божественную службу, то дѣлалъ бы это съ вѣдома и дозволенія Астраханскаго Преосвященнаго. Кромѣ того предписывалось, какъ митроп. Николай, такъ и всѣхъ людей его свиты, по прибытіи ихъ въ Астрахань, привести „непремѣнно“ къ установленной присягѣ на вѣрность службы Ея Импер. Величеству и Наслѣдникамъ Ея. Въ Астрахани ожидало престарѣлаго митрополита сочувствіе и предупредитель-

*) Ук. Св. Снц. 1760 г. 21 Февраля № 490.

ность. Въ консисторскомъ указѣ, посланномъ въ Кизлярское духовное правленіе съ извѣщеніемъ о пропускѣ его, писалось между прочимъ, чтобы, когда митроп. Николай вздумаетъ отправиться въ Астрахань, „въ томъ ему отъ того правленія имѣть вспоможеніе, а воспрещенія никакого не чинить“. Когда же онъ со свитою своею, состоящею изъ 12 человекъ *), прибылъ въ началѣ іюля въ Астрахань, то по приведеніи къ присягѣ въ кафедральномъ соборѣ, помѣщенъ былъ по его личной просьбѣ не въ Ивановскомъ Загородномъ, а въ Спасопретображенскомъ центральномъ монастырѣ **).

Но и главнымъ мѣстопробываніемъ и житіемъ своимъ митроп. Николай не былъ доволенъ. Ему хотѣлось жить непремѣнно въ Москвѣ, гдѣ онъ могъ рассчитывать на лучшее положеніе и обезпеченіе. И вотъ онъ начинаетъ осаждать родственницу свою княгиню Бакарову и сына ея лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полка капитанъ-поручика принца Александра Грузинскаго письмами, къ которыхъ жалобился на свое тяжелое житье, что онъ въ Астрахани, по причинѣ приморскаго мѣста и нездороваго воздуха, къ которому привыкнуть не можетъ, подверженъ всегдашнимъ болѣзнямъ; что лѣчить его здѣсь некому, да и лѣкарей ему патраждать и себя самого содержать за бѣдностію и неполученіемъ отъ штатс-конторы жалованья нечѣмъ, такъ что если бы астраханскій владыка не довольствовалъ его дневнымъ пропитаніемъ, то онъ могъ бы по чужестранству своему и ниществу съ голоду умереть. Затѣмъ, чтобы разсвѣять всѣ подозрѣнія относительно себя и своего бѣгства изъ отечества, митрополитъ старается объяснить, что онъ отлученъ отъ своей епархіи безвинно по однимъ нападкамъ грузинскихъ владѣтелей „за свое настояніе въ поученіи по своей архіерейской должности и по слову св. ап. Павла“, и хотя-де въ данныхъ ему владѣтельскихъ грамотахъ и написано, будто-бы онъ по своей волѣ отлучился изъ своей епархіи, а на самомъ дѣлѣ „былъ выгнанъ“ оттуда для того, чтобы завладѣть его епархіальными деревнями, и дѣйствительно завладѣли. Послѣ того, оставшись въ бѣдности и не имѣя, куда главу свою приклонить, онъ и рѣшился прибѣгнуть „къ единому пристанищу доброй христіанской надежды и подвергнуть себя подъ особливую протекцію Св. Синода, знавъ многіе примѣры, что кромѣ здѣшняго мѣста ни единъ православный не имѣетъ пристанища“. Эта-то надежда и даетъ ему смѣлость просить о дозволеніи прибыть въ Москву „для единого христіанства, въ случаѣ же отказа конечно и живота безвременно въ бѣдствіи лишится можетъ“. Письма митрополита, какъ и слѣдовало ожидать, растрогали его родственниковъ и произвели желаемое дѣйствіе. Княгиня и принцъ вошли въ концѣ того же 1760 года въ Св. Синодъ съ доношеніемъ о вышеизло-

*) Въ свитѣ были: архимандритъ Іоаннъ, игуменъ Григорій, архидіак. Ѳома, поэтъ Кириллъ Давидовъ, а прочіе—келейники и служители ихъ.

***) Арх. д. № 6331 и ук. Св. Синод. 1760 г. 12 Апр. № 989.

жепомъ, причемъ и съ своей стороны употребили все возможное, чтобы предупредить и устраничь неблагопріятный исходъ дѣла. Они писали въ своемъ доношеніи, что, если Св. Синодъ станетъ сомнѣваться, какъ бы митроп. Николай, по примѣру нынѣшняго преосвященнаго Владимірскаго (Антонія, бывшаго грузинскаго католика), не сталъ домогаться чего, то они, какъ княгиня и принцъ, такъ и самъ митрополитъ, по христіанской совѣсти объявляютъ и утверждаютъ клятвою, что даже и мыслить о томъ не намѣрены, въ противномъ же случаѣ онъ, митрополитъ, „достоинъ будетъ чуждъ быти и архіерейскаго сану и достоинства своего“. Просили-же они только допустить его въ Москву и разрѣшить ему, какъ и прочимъ грузинскимъ архіереямъ священнодѣйствовать съ позволенія епархіальнаго преосвященнаго „со всякимъ подобострастіемъ“, давъ ему квартиру въ какомъ либо монастырѣ. Если же Св. Синодъ не опредѣлитъ ему квартиры, то, просили, хотя бы благословить жить митрополиту въ ихъ домѣ. Св. Синодъ вынужденъ былъ, наконецъ, уступить столь настойчивой просьбѣ. Митрополиту Николаю со свитою его дозволено было изъ Астрахани прибыть въ Москву и поселиться въ домѣ родственниковъ его, княгини и принца Грузинскихъ; причемъ разрѣшено ему и священнодѣйствовать въ Москвѣ съ дозволенія всякій разъ Московскаго митрополита, но съ тѣмъ, „чтобы ему, митр. Николаю, въ бытность въ Москвѣ сверхъ указно-опредѣленнаго по грузинскому штату жалованія болѣе отнюдь ничего не требовать и не искать, и никого тѣмъ никакимъ образомъ не утруждать и не просить, въ чемъ его, митрополита, въ Московской Синодальной канторѣ и обязать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ съ подпискою“¹⁾.

Но въ то время, когда водворяли митрополита Николая со свитою его въ Астрахан. Спасскомъ монастырѣ, дошло до Астрахани извѣстіе о выѣздѣ въ Кизляръ изъ Грузіи царя грузинскаго Теймураза въ сопровожденіи преосвященнаго Іоанна, архіепископа Руставскаго, и другихъ духовныхъ лицъ²⁾. Не было сомнѣнія, что всѣ они будутъ пробираться до Москвы и С.-Петербурга, и не минуютъ, конечно, Астрахани. Въ виду измѣнившихся уже отношеній къ грузинамъ преосвященный Меодій отъ 26 іюня 1760 г. обратился въ Св. Синодъ за разъясненіемъ, какъ ему поступить: если „оный царь по дозволенію коллегіи Иностран. Дѣлъ въ Астрахань прибудетъ, то означенныхъ находящихся при немъ духовныхъ персонъ въ Россію пропускать-ли?“ Но вопросъ о семъ разрѣшенъ уже былъ Самою Ея Императ. Величествомъ Государынею, которая чрезъ учрежденную при Ея Дворѣ конференцію дала знать какъ въ коллегію иностран. дѣлъ, такъ и Св. Синоду для зависящихъ распоряженій объ отпускѣ царя Теймураза со всею его свитою изъ Астрахани въ Москву и С.-Петербургъ, при

¹⁾ Ук. Св. Сн. 1761 г. Янв. 18 д. № 47.

²⁾ Въ числѣ ихъ были: два протопопа, и по одному—священникъ, іеродіакопъ, діаконъ и иподіакопъ.

чемъ присовокуплялось, что къ тому же грузинскому царю прѣхалъ недавно изъ Грузіи митроп. Христофоръ Царканскій съ архимандритомъ Филиппомъ Бодормскимъ и тремя церковниками, „кои, можетъ быть, также прѣйдутъ въ святѣ царя Теймураза“ ¹⁾. Но митроп. Христофоръ почему-то не попалъ въ свиту Теймураза, а явился онъ въ Астрахань лѣтомъ 1761 г. совершенно самостоятельно съ отпускнымъ письмомъ отъ Кахетинскаго царя, правителя грузинскаго и владѣтеля, Ираклія и отъ всея Грузіи католикоса Іосифа, коими уволенъ онъ былъ въ Россію къ сродникамъ и свойственникамъ своимъ „для собранія отъ нихъ и христіанскихъ дателей милостыни на возобновленіе разоренной отъ набѣгающихъ варваръ и оскудѣвшей его епархіи“. Донося о семъ Св. Синоду непосредственно, митроп. Христофоръ просилъ допустить его до Москвы, чтобы онъ могъ въ срокъ возвратиться опять въ Грузію. Св. Синодъ позволилъ Христофору съ находящимися при немъ людьми прибыть „на собственный его коштѣ“ въ Москву для исполненія показанныхъ нуждъ, но съ тѣмъ, чтобы изъ Москвы въ другія мѣста „наипаче же въ С.-Петербургъ ни для чего къ прибытію ему дозволенія не давать“, и чтобы по исполненіи имъ своихъ нуждъ и при наступленіи назначеннаго ему въ паспортѣ срока „велѣтъ ему изъ Москвы обратно въ путь свой слѣдовать немедленно“ ²⁾.

Таковыми ограниченіями Св. Синодъ старался хотя сколько нибудь сократить число прибывавшихъ изъ Грузіи въ Россію духовныхъ лицъ всякаго чина, но это мало помогало дѣлу, и нисколько не сокращало числа прѣвзжихъ.

(Прод. будетъ).

Свящ. *І. Саввинскій.*

СЪ ХУТОРА ЖУТОВА.

(Изъ дневника уѣзднаго наблюдателя).

....14 Янв. 1898 года по своей обязанности мнѣ пришлось быть въ хуторѣ Жутовомъ Черноярск. уѣзда. Хуторъ этотъ находится на границѣ съ Донскою областью, рядомъ съ калмыцкими кочевьями. Кругомъ степь, нѣтъ вблизи ни рѣчки, ни лѣсу. Отъ г. Царицына и Волги Жутовъ хуторъ находится въ 150 вер., отъ Астрахани въ 400—словомъ представляетъ собою мѣстность, удаленную отъ цивилизованныхъ пунктовъ, малоизвѣстную, куда рѣдко заглядываетъ просвѣщенный человѣкъ. Этотъ хуторъ небольшой, около 130 дворовъ; есть въ немъ церковь, но онъ не имѣетъ своего сельскаго управленія, нѣтъ въ немъ старосты, сборщика, равно урядника, полицей-

¹⁾ Ук. Св. Сип. 1760 г. 23 Декабря № 2474.

²⁾ Ук. Св. Сип. 1761 г. 4 Июля № 1037.